

М. Швенгельбек

ПРИСЯГА НА ВЕРНОСТЬ: ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В XIX ВЕКЕ

I. Введение

Политические действия всегда обладают символикой, призванной оказывать определенное воздействие. Если понимать политическое как коммуникативное пространство, которое структурировано семиотически, то есть посредством символов и семантики, то ритуалы и символы будут не просто чем-то внешним, не просто отражением подлинной сути политики, а “вещью самой по себе”[1].

Это обстоятельство становится особенно очевидным в ситуациях перелома. Смена власти и правительств нуждается в символической инсценировке. Это относится ко всем политическим системам. Церемониал инаугурации американского президента, например, в этом отношении отличается от британской коронации только тем, как это происходит. Легитимация власти в значительной мере основывается на коммуникации посредством символов.

В этом контексте рассматривается принесение присяги на верность. До нового времени она означала акт принятия взаимных обязательств между правителями и подданными. В то время как подданные должны были приносить государю клятву верности, он, в свою очередь, обязывался защищать и сохранять их традиционные права. Поэтому принесение присяги на верность интерпретировалось медиевистами и историками, изучающими раннее новое время, также как своего рода эквивалент конституции, существовавший до нового времени, как “конституция *in actu*”[2]. В контексте усиления абсолютизма в процессе централизации и монополизации политической власти момент взаимности отступил на задний план. Правда, абсолютистский князь тоже нуждался в принесении присяги на верность, но ему нужен был ри-

туальный, символический акт, чтобы обосновать и легитимировать свою власть. При этом роскошь, с которой проводилось празднование, подчеркивала значимость принесения присяги на верность как политического события.

В своей работе я, напротив, обращаю основное внимание не на период до нового времени, а концентрируюсь на преемственности и изменении в акте принесения присяги на верность и династическом церемониале в “долгом” XIX веке. Правда, в течение XVIII и XIX веков принесение присяги на верность утратило конституционно-правовой характер, но то, что оно продолжало существовать в династическом церемониале конституционного государства, очевидно. Тогда принесение присяги на верность не было манифестацией авторитарного государства. Скорее ритуал принесения присяги отличается своеобразной амбивалентностью элементов политической активности и авторитаризма. В принесении присяги в определенном смысле отражаются в миниатюре существенные политические конфликтные линии XIX века. Эти конфликтные линии можно проследить, рассмотрев три аспекта проблемы: отношение монархии и конституции, принесение присяги на верность и реакция общественности на этот акт, а также аспект символики.

II. Монархический ритуал и политическая коммуникация

На значение ритуальных действий для политической сферы некоторое время тому назад особенно настоятельно указывал американский социолог Д. Керцер. Он критикует представление, что политический деятель руководствуется чисто рациональными, якобы объективными критериями. Люди общаются посредством символов, таков, в противоположность этому, его тезис, и одной из самых

важных форм, в которых сообщаются символические значения, являются ритуалы. "Посредством ритуалов", пишет Керцер, "люди развивают свои представления о политических институтах, качества политических лидеров. Политическое понимание осуществляется посредством символов и ритуалов, а ритуал как действие, посредством которого выражается символическое, является мощным орудием конструирования нами политической реальности"[3]. Политические действия следует искать не вне ритуала, а сам ритуал нужно рассматривать как часть политического процесса. Символические действия в ритуале являются не только внешним выражением политических решений, принимаемых в 'задней части сцены', напротив, политические действия всегда имеют характер представления, инсценировки[4].

В соответствии с этим принесение присяги на верность можно понимать как политический ритуал, как "социальную драму", в которой символически исполняются на сцене соответствующие монархическому устройству отношения господства и подчинения. Они отличаются высокой степенью регулируемости и экспрессивности и тем самым вносят важный вклад в политическое самоутверждение[5].

В XIX веке политическое самоутверждение все больше приводило к конфликтам, так как монархическая власть больше не могла рассчитывать на то, что все верили в милость божью. Принесение присяги на верность с конца XVIII в. превращалось из акта, конституирующего власть, который основывался на признании в принципе монархической власти, в средство борьбы за политическое большинство. Монархи были вынуждены обращаться к этому большинству, поскольку "монархический принцип", на котором они основывали свою власть, под давлением конституционализма теперь представлял собой только юридический конструкт[6]. Поэтому в XIX в. монархическая власть в растущей мере нуждалась в легитимации, создававшейся коммуникативно с помощью символов и ритуалов.

Одновременно с развитием средств информации расширялось общественное пространство, которое создавало возможность критиковать монархическую власть, ставить ее под вопрос.

Необходимо особенно подчеркнуть конфликтность символических действий в ритуалах принесения присяги. Как "культурные формы выражения" (выражение Клиффорда Гиртца) они создавали пространство для политической коммуникации. Здесь коммуникацию можно понимать и как предпосылку политических действий, и как коммуникативные действия в политическом пространстве, создающие смысл и значение[7]. Именно это второе, смыслообразующее измерение коммуникации следует подчеркнуть как важное для исследования принесения присяги в качестве политического ритуала. При этом коммуникацию следует понимать достаточно широко, чтобы можно было выделить и анализировать формы как "дискурсивной", так и "презентативной" символики в их коммуникативном потенциале. В своей основной теоретической работе, посвященной символам, "Философия на новом пути" С. К. Лангер подчеркивает, что не только дискурсивные, но именно также презентативные символы следует рассматривать как рациональные выразительные возможности человека[8]. Поэтому вслед за Сюзанной Лангер я хотел бы высказаться в пользу понятия коммуникации, которое учитывает не только дискурсивные формы коммуникации, основывающиеся на рациональном употреблении языка. Скорее широкое понятие коммуникации должно включать также формы символической коммуникации, реализующиеся в жестах и других знаках. При этом можно будет конкретно исследовать, как в принесении присяги на верность изменялась политическая коммуникация на фоне меняющейся общест-венности.

III. Принесение присяги на верность и давление конституционализма

Характер принесения присяги на верность как "конституции in actu" с развитием конституционализма все больше

ставился под вопрос и полностью утрачивал свои функции на фоне письменных конституций. В то время как соотношение монархии и конституционализма становилось все более проблематичным, в принесении присяги на верность и династических празднествах реализовывался рефлексивный процесс коммуникации.

Принесение присяги на верность Фридриху Вильгельму III в Пруссии, которое состоялось в 1798 г. в Кенигсберге и Берлине, в этом отношении еще было вполне традиционным. В центре праздника была клятва верности сословий в рамках обычной ритуальной структуры. Это составляло правовое ядро праздника, в котором актуализировались отношения господства, основанные на сословной иерархии.

Хотя уже в XVIII веке символические формы принесения присяги на верность изменились, однако в том, что касается соотношения монархии и конституционализма, фундаментальные изменения произошли только с появлением основывающихся на «монархическом принципе» конституций, которые вступили в силу в отдельных государствах Германского союза в первой половине XIX в. Тогда же изменился характер принесения присяги на верность. Если до конца XVIII в. принесение присяги на верность порождало политический строй как «конституцию in actu» (Holenstein), то в конституционном государстве отношение к конституции стало рефлексивным. Значение записанной конституции и ее соотношение с монархической властью символически обсуждалось в акте принесения присяги.

Это можно показать на примере присяги Фридриху Вильгельму IV, принесенной в 1840 г. в Пруссии. Под влиянием состоявшегося в Кенигсберге ландтага, традиционного собрания представителей сословий, на котором доминировало дворянство, принесение присяги в Кенигсберге стало демонстрацией конституционной перестройки государства. Фридриху Вильгельму – несмотря на отчаянные усилия консервативного министра внутренних дел фон Рохова – лишь

незначительно удалось смягчить политическую взрывоопасность, и на эмоционально насыщенном празднестве король был представлен как гарант конституционного прогресса. Например, вызвавшая большой интерес речь короля, которую он произнес с трона во время принятия присяги на верность, была интерпретирована как доказательство положительного отношения монарха к конституции. Между тем содержание речи было в основном ничего не значащим. Фридрих Вильгельм торжественно обещал быть «справедливым судьей, надежным, добросовестным, милосердным правителем, королем-христианином» и с восторгом говорил о том, что в Пруссии существует «единство главы и членов общества, государя и народа, в общем и целом великолепное единство устремлений всех сословий»[9]. Однако слов, отлитых в форму торжественного обещания, было достаточно, чтобы толковать их как «контр-клятву». Буржуазный либерал Фанни Левалд сообщала, что «общее мнение» едино в том, чтобы «принять речь короля как обещание исполнять конституцию», «хотя ни одного слова об этом в речи или скорее в клятве не встретилось», так как «слушали с предубежденной душой и толковали оракула по-своему»[10]. Тщательно продуманным обещанием верности конституции, признанием желания подданных иметь ее речь Фридриха Вильгельма не была ни в коем случае. Однако решающим было вовсе не содержание речи. Намного важнее ее прочтение как символа. При этом значение отдельного символа можно выяснить только в контексте всего символического поля или системы символов. В ритуальном пространстве символическое значение речи зависело от того, какой субъективный смысл ей приписывали приносившие присягу. Всеобщие надежды, которые связывались с Фридрихом Вильгельмом, то, что ландтаг уже принес присягу на верность, привели к тому, что во время эмоционально впечатляющего спектакля даже речь без специфически либерального содержания могла быть истолкована как доказательство прогрессивности мо-

нарха. Таким образом, речь короля символически интерпретировалась как "контрклятва". Под этим впечатлением сословная иерархия также интерпретировалась как несуществующая. В итоге, вопреки регламентированному порядку, все сословия приносили присягу совместно под открытым небом. Таким образом, казалось, что социальные барьеры сословности во время ритуала в Кенигсберге ослабли. Правда, во время последовавшего через короткое время принесения присяги в Берлине была подчеркнута сословная структура общества, монархический идеал в консервативном духе.

В целом празднества принесения присяги на верность при вступлении на престол Фридриха Вильгельма IV показывают, как в ритуальном пространстве рефлексивно осуществлялась коммуникация. При этом в центре стояли проблемы отношения монархии к конституции и легитимации монархии. Либералы видели монарха как представителя конституционного государства. Между тем сам Фридрих Вильгельм представлял себя королем божьей милостью, который являлся как бы естественным главой сословно разделенного тела. Явное поле конфликта различным способом отразилось также на празднествах интронизации наследников Фридриха Вильгельма IV. Как при коронации Вильгельма I, которая состоялась в 1861 в Кенигсберге, так и при провозглашении его императором в 1871 г., а также на проводившемся в 1888 г. праздновании интронизации Вильгельма II на повестке дня стоял вопрос о соотношении монархии и конституции.

IV. Возможность интерпретации символических действий: принесение присяги на верность и общественность

Понятие общественности именно в течение последних лет все более широко используется в исторической науке. Как в принципе, так и конкретно для исследования празднеств принесения присяги на верность целесообразно понимать общественность не как действующее лицо, а как пространство, которое формируется посредством коммуникации. Ис-

ходя из этой перспективы, необходимо проанализировать, как изменяющиеся структуры общественной коммуникации влияли на празднества принесения присяги на верность в XIX веке.

Во влиятельном исследовании об изменении структуры общественности Юрген Хабермас различал два типа общественности, исторически следующих друг за другом. Его тезис, что только лишь тип "гражданской общественности" маркирует социологически конкретную сферу политической коммуникации, в то время как исторически предшествовавшую этому типу "представительную общественность" следует понимать только как изображение господства государя над народом и только лишь как признак статуса, был в значительной мере опровергнут новыми исследованиями[11]. Тем не менее, эти исследования также еще ориентируются на разграничение, сделанное Хабермасом. Так, например, Й. Паульманн в исследовании встреч европейских монархов указывает на то, что "представительная общественность" продолжала действовать в XIX веке, являясь важной сферой политической коммуникации[12]. Хотя его тезис о том, что в это время сохранялись монархические ритуалы и династический церемониал, достаточно убедителен, тем не менее встает вопрос, имеет ли тогда смысл описание с помощью категорий Хабермаса. Если предположить, что "представительную общественность" можно рассматривать как сферу политической коммуникации, так же как "гражданская общественность" содержит в себе представительные элементы, то строгое разграничение между двумя типами исчезает. Тогда кажется более убедительным сначала изучить общественность эмпирическим путем, а затем обратиться к коммуникативным структурам, которые там можно найти[13].

В диахроническом плане принесение присяги на верность показывает скорее не линейные структурные изменения общественности, а многоплановые изменения структур коммуникации в общественном пространстве. Еще в конце XVIII в. общественность, которая участвовала в

принесении присяги, большей частью была “оказиональной общественностью”. Это понятие, введенное литературоведом Б. Тумом для форм средневековой общественности, имеет в виду “реальное отношение специфических действующих лиц в конкретной ситуации, которое в большинстве случаев выражалось в прямом участии”. В маленьких государствах, таких как Липпе, этот тип можно ясно видеть на состоявшемся в 1790 г. принесении присяги Леопольду I. Напротив, в более крупных государствах, таких как Пруссия, уже в XVIII в. победила практика централизованных празднеств. Здесь все больший вес приобретало изображение в средствах информации, описание празднеств в газетах.

В целом последние работы об истории прессы и средств информации подчеркивают растущую управляющую силу средств информации. Она усиливалась в той мере, в какой политическая ежедневная пресса в XIX в. создавала собственные структуры. Чем больше становилась автономия и вес прессы, тем меньшее значение имела “оказиональная общественность”. Принесение присяги как общественное пространство, которое в большой мере определялось формами “символики присутствия”, все больше попадало под давление “дискурсивной символики”, которая победила в печатных средствах информации. Здесь видно, как пространство политической коммуникации с помощью средств информации расширилось за рамки конкретных мест и участников; оно включало большое число читателей. Коммуникативное пространство, реализующееся в принесении присяги на верность, расширилось и одновременно сделало возможным дискурсивное отражение символических действий во время празднеств.

Это вело к изменению и самих ритуалов. Так, в 1861 г. в Пруссии уже перед вступлением на престол Вильгельма I возник ожесточенный спор между консервативными и либеральными газетами, совместима ли та присяга на верность, какую сначала хотел Вильгельм, с конституцией, а затем обсуждалось полити-

ческое значение празднования коронации, форма которого возникла на основе компромисса. Спор вокруг “вопроса о принесении присяги на верность” возник, так как Вильгельм настаивал на принесении присяги на верность, а его скорее либеральные министры, напротив, отвергли ее как противоречащую конституции. В качестве компромисса министры предлагали монарху празднество коронации. Несмотря на то, что Вильгельм настаивал на праве требовать принесения присяги на верность, в конце концов он согласился с предложением. Одновременно в газетах обсуждалось, какое политическое значение следует придавать празднеству принесения присяги на верность и соответственно коронации. В то время, как принесение присяги на верность и коронация широко обсуждались уже во время подготовки, после того, как коронация состоялась, дискуссии стали еще острее. Теперь символические действия в ритуале коронации стали событием политической важности в прессе.

Если обобщить аргументацию, то сначала можно выделить две противоположных интерпретации. Либеральная пресса указывала на достижения конституционного государства, замечательным выражением которых были яркие торжества. При этом ставка делалась не только на постепенную либерализацию внутри прусской конституционной монархии, но и на долгожданное национальное государство. Таким образом, “единство” и “свободу” связывали с судьбой прусского трона. Например, Густав Фрайтаг комментировал коронацию Вильгельма I в Кенигсберге в своем издании «Гренцботе». Как для либерального автора “коронация с государственно-правовой точки зрения” была для него “совершенно бессмысленным актом”. “Относительно этого, конечно, не обманывается никто, кто намеренно не хочет быть обманутым”, писал он 27 октября из Берлина. Он еще находился под впечатлением торжественного въезда, и ему казалось, что прошедшая там инсценировка оставляет ясное впечатление. Вильгельм со смертью Фридриха Вильгельма IV стал законным

монархом, и прусское население выразило "обязательства верности и послушания, которые страна должна оказывать королю" принесением присяги депутатами ландтага. Тем самым коронации придавалось лишь "неофициальное значение". В то время как важный государственно-правовой акт принесения присяги, осуществленный 14 января 1861 депутатами ландтага, проходил "без ненужной роскоши в самой будничной и краткой форме", "при менее важном акте коронации королевская власть показала себя в полном блеске", что, по мнению Фрайтага, было правильным. Хотя "народный характер" праздника коронации проявился бы еще лучше, если бы "церемониал в Кенигсберге был менее раболопным", в целом коронацию все же нужно оценивать как "победу конституционного государства над феодально-абсолютистскими развалинами"[14].

Напротив, консервативные комментаторы видели божью милость, подтвержденную в своей исторической традиции. Здесь конституция рассматривалась только как временное явление, а ритуал коронации – как могущественная демонстрация монархии. Уже в день коронации статья, вышедшая в газете «Кройццайтунг», стремилась убедить читателей в том, что хотя они и отдалены "пространственно", однако "в душе вместе перед алтарем", чтобы быть свидетелями коронации монарха милостью божьей. Коронация – это не "пустая церемония", а "наиболее подходящее символическое изображение старого прусского государственного права и инвеституры милостью божьей", подчеркивающее историческую непрерывность монархического государства. Далее она является "самым недвусмысленным и уничтожающим протестом против всех, кто стремится сделать прусскую королевскую власть зависимой от всеобщего избирательного права и изгнать из сознания прусского народа неотъемлемые права короны" [15].

Уже в празднестве коронации 1861 г. намечается развитие, которое И. Халл описала для монархических ритуа-

лов при Вильгельме II. По ее мнению, они характеризуются двумя особенностями: с одной стороны, попыткой монархически настроенных, прогосударственных сил сохранить статус кво, и, с другой стороны, политически мотивированной, противоположной интерпретацией ритуалов в обществе. Если, с одной стороны, ритуал понимался как идеологическое средство интеграции, которое должно было обеспечить собственное общественное и политическое положение, то, с другой стороны, возможность интерпретации символических действий способствовала критическому восприятию, которое могло не соответствовать идеологической цели[16]. Изменение системы в 1918 г. маркировало конец монархического господства в Германии, однако, как видим, консенсус относительно распространенного политического ритуала был разрушен раньше.

V. Символические картины: монархия, нация и гражданское общество

При принесении присяги на верность и в других династических празднествах посредством коммуникации передавалось социальное и политическое представление о строе. В празднованиях общество давало символическое толкование самого себя. Вплоть до XVIII в. преобладало отражение сословно структурированного общества. Это было характерно и для праздника принесения присяги Фридриху Вильгельму III в Пруссии. Правда, многодневная поездка монарха для принятия присяги на верность свидетельствует, что широта охвата участников увеличивалась по мере того, как празднества лишались своего правового значения. Поездка заменила принятую ранее форму принесения присяги. Тем самым не только исчезло принесение клятвы, но и строгое регулирование церемониала изменилось в пользу городов, через которые проезжал монарх. Принесение присяги Фридриху Вильгельму IV и коронация Вильгельма I подтверждают эту тенденцию. В либеральных кругах как в 1840 г., так и в 1861 г. преобладало представление о "бесклассовом граждан-

ском обществе", направленное против сословной традиции. Этому противостоял "монархический проект" Фридриха Вильгельма IV, который можно интерпретировать как консервативно модернизированный ответ на вызов конституционализма.

В празднествах принесения присяги артикулировались новые политические концепции, наиболее популярной из которых была нация. На нее все больше должна была ссылаться монархическая власть. Нация – исторически в высшей степени переменный конструкт, по словам Б. Андерсона, «воображаемое сообщество», позволяющее деление на своих и чужих[17]. В празднествах принесения присяги политическая неоднозначность концепции нации также проявляется очень отчетливо. Указание на нацию, с одной стороны, могло обосновать претензии граждан на участие в политической жизни, с другой стороны, монархи и консерваторы также все больше ссылались на нацию как высшую политическую инстанцию.

Выступления в защиту нации до марта 1848 г. не имели антидинастической направленности. По случаю принесения присяги на верность Фридриху Вильгельму IV магистратами и гражданскими союзами прусских городов были организованы самостоятельные празднества. Создание национального государства, которое на граждански окрашенных празднествах формулировалось как совместная цель, при этом связывалось с признанием лояльности Фридриху Вильгельму IV. Особенно в Рейнской области совпадение празднования принесения присяги с кризисом спровоцировало сильный мобилирующий сдвиг в гражданских кругах, который определил сам характер этого празднования. Например, на торжествах в Кельне нашла свое выражение своеобразная смесь гражданского самоуправления, династического единения с Фридрихом Вильгельмом IV, выступлений в защиту нации и региональной идентичности. Газета «Кельнер цайтунг» начала сообщение о прошедшем накануне празднестве с воспомина-

ний о 1815 годе, когда Рейнская область была присоединена к Пруссии. Правда, "скипетру Прусского государства» подчинились «без желания, выбора и участия", но после того, как "армии франков покинули страну", всем было ясно: "Мы хотим снова принадлежать общему немецкому отечеству"[18]. Для автора статьи Фридрих Вильгельм, – "король нашего выбора". Эта оценка, которая была предпослана собственно сообщению о торжествах, достаточно хорошо резюмирует политическое значение Кельнских торжеств. Гражданское самопонимание и лояльность по отношению к монарху шли рука об руку, и обращение к нации ни в коем случае не ставило под сомнение законность монархического господства.

В либеральном восприятии коронационные торжества 1861 г. в Кенигсберге – это прямо-таки национальное событие. Уже упомянутый Г. Фрайтаг охарактеризовал празднество коронации как слишком низкопоклонническое, "это было бы настоящее празднество, имеющее реальное значение, если бы король Вильгельм надел на себя не прусскую корону, которую он уже имел, а германскую императорскую корону, от которой отказался его предшественник в 1849 году" [19]. Фрайтаг видел в коронации национальную перспективу. «Фоссише цайтунг» также считала, что коронация позволяет "прусскому народу увидеть предвестие для будущего блестящего развития Пруссии, более тесно объединенной с Германией" [20]. Здесь перед Пруссией ставилась историческая задача реализовать национальное единство. Итак, в либеральной прессе торжества коронации толковались как символическое выражение единства правителя и народа, причем единство внутри прусского государства понималось как ядро национального государства. Приведенные здесь примеры отражают символику отношений между монархией, нацией и гражданским обществом.

IV. Принесение присяги на верность и преимущества" новой политической истории "

В чем преимущества коммуникативно-исторического взгляда на полити-

ческую историю? На примере моей темы можно высказать несколько кратких соображений.

Во-первых, приходится отказаться от простого представления об утрате значения принесения присяги на верность в XIX в. Одновременно надо отгородиться от точки зрения, будто присяга в XIX в. была лишена функций, поскольку рациональное господство больше не нуждается в ритуалах. Однако ритуалы и символы ни в коем случае не являются реликтом периодов до нового времени. Скорее они вносят существенный вклад в реконструкцию политической действительности.

Если понимать ритуалы принесения присяги на верность как коммуникативное пространство политики, то легче определить также перспективу международного сравнения. Специфические особенности принесения присяги на верность, которые имеют свои корни главным образом в конститутивно-правовой функции акта взаимных обязательств до

нового времени, теряют свое значение. Тем самым легче может быть установлено сходство и различие по сравнению с исследованными Рихардом Вортманом инсценировками русского царя или ритуалами британской монархии, которые описала Линда Колли[21].

Наконец, следует подчеркнуть, что взгляд на символику политических действий направлен против переоценки рациональных путей принятия решений в высокой политике. Эта парадигма, выдвинутая традиционной политической историей, не в последнюю очередь противоречит опыту, который мы постоянно имеем в повседневности: вопрос «как» также немаловажен в политике. Исследование ритуалов, которые сегодня кажутся нам чуждыми, как, например, принесение присяги на верность, дает возможность точнее рассмотреть этот вопрос «как» в политике.

Перевод И.Н.Мирославской

Примечания

1. Frevert U. Neue Politikgeschichte // Eibach J., Lottes G. (Hg.) Kompass der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 2002. 152-164.
2. Holenstein A. Die Huldigung der Untertanen. Rechtskultur und Herrschaftsordnung (800-1800). Stuttgart, New York, 1991.
3. Kertzer D. Ritual, Politics, and Power. New Haven, London, 1988. 75.